

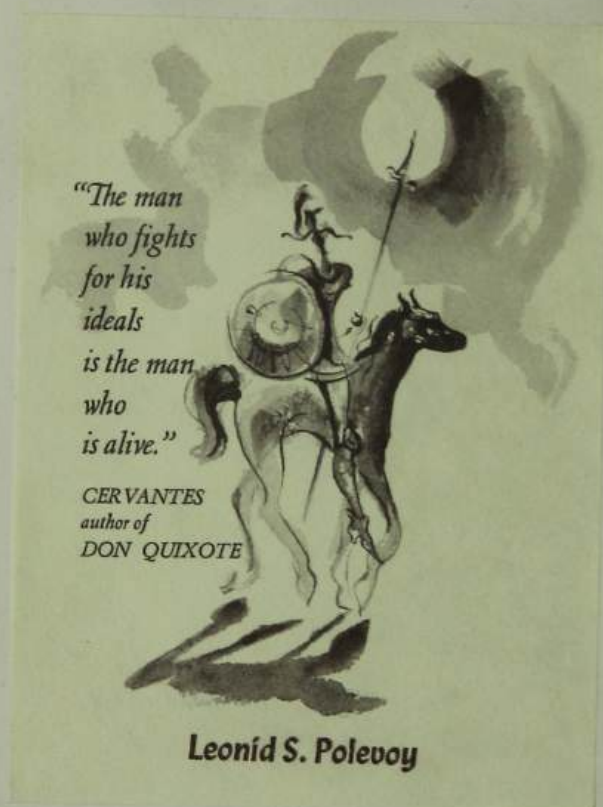
Г.-Х. АНДЕРСЕН

СОЛОВЕЙ

ДЕТГИЗ • 1953

ФОНД РЕДКИХ КНИГ ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
г. ИРКУТСК
83486

Ты, верно, знаешь, что в Китае все жители китайцы и сам император китаец.

Давным-давно это было, но потому-то и стоит рассказать эту историю, пока она ещё не забылась совсем.

В целом мире не нашлось бы дворца лучше, чем дворец китайского императора. Он весь был из драгоценного фарфора, такого тонкого и хрупкого, что страшно было до него и дотронуться. Дворец стоял в прекрасном саду, в котором росли чудесные цветы. К самым красивым цветам были привязаны серебряные ко-

локольчики. И когда дул ветерок, цветы покачивались и колокольчики звенели. Это было сделано для того, чтобы никто не прошёл мимо цветов, не поглядев на них. Вот как умно было придумано!

Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что даже сам садовник не знал, где сад кончается. А сразу за садом начинался дремучий лес. Этот лес доходил до самого синего моря. Большие корабли проплывали под нависшими над водой ветвями. Тут в лесу, у самого берега моря, жил соловей. Он пел так чудесно, что даже бедный рыбак, слушая его песни, забывал о своём неводе.

Со всех концов света приезжали в столицу императора путешественники. Все они любовались великолепным дворцом и прекрасным садом, но, услышав пение соловья, говорили: „Вот это лучше всего!“

Вернувшись домой, путешественники рассказывали обо всём, что видели. Учёные описывали столицу Китая, дворец и сад императора и никогда не забывали упомянуть о соловье; поэты слагали в честь крылатого певца, живущего в китайском лесу на берегу синего моря, чудеснейшие стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот одна толстая книга дошла и до самого китайского императора. Он сидел на своём золотом троне, читал и кивал головой. Ему очень приятно было читать о том, как хороша его столица, как прекрасны его дворец и сад. Но вот на последней странице книги император прочитал:

„В Китае много чудесного, но лучше всего маленькая птичка, по имени соловей, которая живёт в лесу близ императорского сада. Ради того, чтобы послушать её пение, советуем каждому съездить в Китай“.

— Что такое? — сказал император. Он встал с трона и захлопнул книгу. — Как?! В моём государстве и даже рядом с моим собственным дворцом живёт такая удивительная птица, а я ни разу не слышал, как она поёт! И мне приходится узнавать о ней из чужих книг!

И он велел позвать своего первого министра. Этот министр напускал на себя такую важность, что если кто-нибудь из людей пониже его чином осмеливался заговорить с ним или спросить его о чём-нибудь, он отвечал только: „Пф!“, а это ведь ровно ничего не означает.

— Я прочёл в учёной книге, что у нас есть замечательная птица, которую зовут соловей, — сказал император министру. — Её считают первой достопримеча-

тельностью моего государства. Почему же мне ни разу не докладывали об этой птице?

— Ваше величество, — отвечал первый министр и поклонился императору, — я даже и не слышал о ней! Она никогда не была представлена ко двору.

— Весь свет знает, что у меня есть, а сам я не знаю, — сказал император. — Я хочу, чтобы сегодня же вечером птица была здесь и пела передо мной!

— Я разыщу её, ваше величество, — сказал первый министр.

Сказать было нетрудно. А где ж её разыщешь?

И вот первый министр забегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но никто из придворных и не слыхивал о соловье. И первый министр вернулся к императору и доложил, что соловья в Китае нет и не было.

— Ваше величество напрасно изволит верить всему, что пишут в книгах. Это всё одни выдумки.

— Не говори глупостей! — сказал император. — Я хочу слышать соловья. Он должен быть во дворце сегодня же вечером! А если его не будет здесь в назначенное время, я прикажу после ужина отколотить тебя и всех министров палками по пяткам.

— Тзинг-пе! — сказал первый министр и опять забегал вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам. С ним бегали все сановники и придворные — никому не хотелось отвесть палок.

На площадках лестниц они сталкивались носами и спрашивали друг друга:

— Что такое со-ло-вей? Где найти соловья?

Так они обегали весь дворец и наконец попали на кухню. В кухне сидела маленькая девочка и вытирала тарелки. Первый министр спросил девочку, не знает ли она, где живёт соловей.

— Соловей? — сказала девочка. — Ну конечно, знаю! Он так хорошо поёт в нашем лесу! Я каждый день ношу моей больной матери остатки от обеда с императорской кухни. А живём мы у самого моря. Там в лесной чаще есть старое дерево с большим дуплом и густыми-густыми ветвями. И вот, когда я прохожу мимо этого дерева, я каждый раз слышу песню соловья. Он поёт так нежно, что слёзы появляются у меня на глазах, а на душе становится так радостно, будто меня целует мама.

— Девочка, — сказал первый министр, — я позволю тебе посмотреть, как кушает сам император, если ты сведёшь нас к соловью. Он приглашён сегодня вечером ко двору.

И вот все отправились в лес. Впереди шла девочка, а за ней министры и сановники.

Шли они, шли и вдруг услышали, как замычала корова.

— О! — сказали придворные. — Это, наверно, и есть соловей. Какой сильный у него голос!

— Это мычит корова, — сказала девочка. — Ещё далеко до того дерева, на котором живёт соловей.

И все пошли дальше.

Тут в пруду заквакали лягушки.

— Чудесно! — сказал придворный бонза. — Наконец-то я слышу соловья! Он поёт точь-в-точь как серебряные колокольчики в нашей молельне.

— Нет, это лягушки, — сказала опять девочка. — Но теперь, я думаю, мы скоро услышим и самого соловья.

И вот наконец в зелёных ветвях раздалось чудесное пение.

— Вот это соловей, — сказала девочка. — Слушайте, слушайте! А вот и он сам! — И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, которая сидела на ветке.

— Пф! — сказал первый министр. — Никак не думал, что этот знаменитый соловей такой невзрачный с виду. Наверно, он потерял свои краски от страха, увидев так много знатных особ.

— Соловушка! — громко закричала девочка. — Наш император хочет послушать твои песни.

— Очень рад! — ответил соловей и запел так, что просто чудо.

— Пф, пф! — сказал первый министр. — Ваш голос звенит так же звонко, как стеклянные колокольчики на парадном балдахине императора. Вы будете иметь огромный успех при дворе.

— Спеть ли мне ещё для императора? — спросил соловей; он подумал, что тут был сам император.

— Послушайте, господин соловей, — сказал первый министр, — его величество император приглашает вас сегодня вечером на придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его величество своим дивным пением.

— Песни мои гораздо лучше слушать в зелёном лесу, — сказал соловей. — Но я охотно полечу с вами, если это будет приятно императору.

А во дворце между тем все бегали, хлопали дверями и суетились — все готовились к празднику. В фарфоровых стенах и в стеклянном полу отражались сотни тысяч золотых фонариков. В коридорах рядами были расставлены прекрасные цветы, а привязанные к цветам колокольчики от всей этой беготни, стукотни и сквозняка звенели так, что не слышно было человеческого голоса.

И вот наступил вечер.

Посреди огромного зала восседал император. Напротив императорского трона поставили золотой шест,

и на самой верхушке его сидел соловей. Все придворные были в полном сборе. И девочке из кухни позволили стоять в дверях — в награду за то, что она нашла соловья, первый министр назначил её придворной поварихой.

Все были разодеты в пух и прах и не сводили глаз с маленькой серенькой птички.

Но вот император милостиво кивнул головой. И соловей запел. Он пел так нежно, так чудесно, что у императора выступили на глазах слёзы и покатались

по щекам. Тогда соловей залился ещё громче, ещё нежнее.

Когда он кончил, император сказал, что жалует соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался.

— Я видел слёзы в глазах императора, — сказал соловей. — Какой мне ещё желать награды?

И опять зазвучал его чудесный голос.

— Ах, это очаровательно! — восклицали наперебой придворные дамы.

И с тех пор, когда им нужно было разговаривать с кем-нибудь, они набирали в рот воды, чтобы она булькала у них в горле. Они воображали, что это бульканье похоже на соловьиные трели.

Соловья оставили при дворе и отвели ему особую комнату. Два раза в день и раз ночью ему разрешали гулять. Но к нему приставили двенадцать лакеев, и каждый из них держал привязанную к ножке соловья шёлковую ленточку.

Нечего сказать, большое удовольствие было от такой прогулки!

Весь город заговорил об удивительной птице, и если встречались на улице трое знакомых, один из них сейчас же говорил: „со“, другой подхватывал: „ло“, а третий: „вей“, после чего все трое вздыхали, сразу поняв друг друга.

Одиннадцать лавочников дали своим сыновьям имена в честь соловья, но ни один из мальчиков не мог спеть даже самой простой песенки.

Но вот однажды императору прислали из Японии ящичек, завернутый в шёлковую материю. На ящичке было написано: „Соловей“.

— Это, наверно, новая книга о нашей знаменитой птице, — сказал император.

Ящик открыли, но в нём была не книга, а разукрашенная коробочка. А в коробочке лежал искусственный соловей. Он был очень похож на настоящего, но весь осыпан бриллиантами, рубинами и сапфирами.

Стоило завести птицу — и она начинала петь одну из тех песен, которые пел настоящий соловей, и вертеть хвостиком, который отливал золотом и серебром. На шейке у птицы была ленточка с надписью: „Соловей императора японского ничто в сравнении с соловьём императора китайского“.

— Какая прелесть! — сказали все, а того, кто привёз драгоценную птицу, сейчас же возвели в чин „придворного поставщика соловьёв“.

— Теперь пусть этот соловей и наш настоящий споют вместе, — решил император.

Но дело не пошло на лад: настоящий соловей пел всё новые и новые песни, а искусственный повторял одну и ту же, как заведённая шарманка.

Тогда искусственного соловья заставили петь одного. Его пение так же понравилось придворным, как и пение настоящего соловья, но новая птица была куда красивее — она вся так и блестела, так и сверкала.

Тридцать три раза пропела она одно и то же и не устала. Придворные охотно слушали бы её ещё, да император сказал, что надо послушать и живого соловья. Тут все обернулись и посмотрели на золотой шест. Но соловья там не было. Куда же он девался?

Никто не заметил, как соловей выпорхнул в открытое окно и улетел в свой зелёный лес.

— Что же это, однако, такое? — сказал император, и все придворные стали бранить соловья и называть его неблагодарной тварью.

— Но всё-таки лучшая птица осталась у нас! — сказали придворные, и искусственному соловью пришлось спеть свою единственную песню в тридцать четвёртый раз.

„Придворный поставщик соловьёв“ расхваливал свою птицу и уверял, что она гораздо лучше настоящей.

— Извольте ли видеть, высокий повелитель мой, и вы, милостивые господа, — говорил он, — никогда ведь нельзя знать заранее, что именно споёт живой соловей, а у искусственного всё известно наперёд. Можно даже разобрать его и посмотреть, как он устроен: как расположены и действуют все валики, винтики и пружинки.

— О да, мы тоже так думаем, — сказали придворные, а император велел показать птицу народу в следующее же воскресенье.

— Пусть и народ послушает её, — сказал император. Народ послушал и пришёл в такой восторг, как будто напился хорошего чаю, — китайцы ведь очень любят чай.

Все в один голос восклицали: „О!“, поднимали вверх указательные пальцы и кивали головами. Но бедные рыбаки, которые слышали настоящего соловья, говорили:

— Голос у него неплохой и поёт он почти так же, как наш соловушка, но всё-таки не то. Чего-то недостаёт, а чего — мы и сами не знаем.

А тем временем император издал указ. В этом указе настоящего соловья объявили изгнанным из китайского государства.

А искусственный соловей лежал на шёлковой подушке возле самой императорской постели. Вокруг него были разложены все пожалованные ему драгоценности, а на шее висела императорская золотая туфля.

Искусственной птице дали особое звание: „Первый певец императорского ночного столика с левой стороны“, потому что император считал более важной именно ту сторону, на которой находится сердце, а сердце находится слева даже у китайского императора.

Учёные написали об искусственном соловье двадцать пять книг, полных самых мудрёных и непонятных китайских слов. Но все придворные уверяли, что они прочли эти книги и поняли всё, что там написано, — иначе ведь их прозвали бы дураками и отколотили бы палками по пяткам.

Так прошёл целый год. Император, весь двор и даже весь народ знали наизусть каждую нотку в песне

искусственного соловья. Поэтому-то пение его им нравилось ещё больше. Они сами могли теперь подпевать птице. Уличные мальчишки пели: „Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!“ И даже сам император напевал иногда: „Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!“

И вот один раз вечером искусственная птица распевала перед императором, а он лежал в постели и слушал её. Вдруг внутри птицы что-то зашипело, зажужжало, колёса завертелись, и музыка смолкла.

Император вскочил и послал за своим лейб-медиком. Но что же тот мог поделать? Ведь он умел лечить только живых людей. Тогда призвали часовщика. Часовщик открыл птице живот и долго рассматривал какие-то колёсики и подвинчивал какие-то винтики. Потом он сказал, что птица будет петь, но с ней надо обращаться очень осторожно: маленькие зубчики истёрлись, а поставить новые нельзя.

Император издал новый указ, в котором говорилось, что „первого певца императорского ночного столика с левой стороны“ разрешается заводить только раз в году, да и то ненадолго.

Прошло ещё пять лет. И вот однажды император заболел. Все доктора говорили, что он непременно умрёт. Министры и придворные собирались уже провозгласить нового императора, а народ толпился

на улице и спрашивал первого министра о здоровье старого императора.

— Пф! — отвечал первый министр и покачивал головой.

Бледный и похолодевший, лежал император на своём великолепном ложе. Все придворные считали его умершим, и каждый спешил поклониться новому императору. Слуги бегали взад и вперёд по дворцу и узнавали последние новости, а служанки проводили время в болтовне за чашкой чая. Во всех залах и коридорах были разостланы ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и во дворце стояла мёртвая тишина.

Но старый император ещё не умер, хотя и лежал совсем неподвижно на своём великолепном ложе, под бархатным балдахином с золотыми кистями. Окно было раскрыто, и ясный месяц глядел на императора и искусственного соловья, который лежал на шёлковой подушке возле постели императора.

Бедный император не мог вздохнуть, и ему казалось, что кто-то сидит у него на груди... Он приоткрыл глаза и увидел, что на груди у него сидит Смерть. На голове у неё была надета корона императора, в одной руке она держала его золотую саблю, а в другой — императорское знамя.

А кругом, из всех складок бархатного балдахина, выглядывали какие-то странные головы: одни безобразные и злые, другие красивые и добрые. Но злых было гораздо больше. Это были злые и добрые дела императора. Они смотрели на императора и что-то шептали.

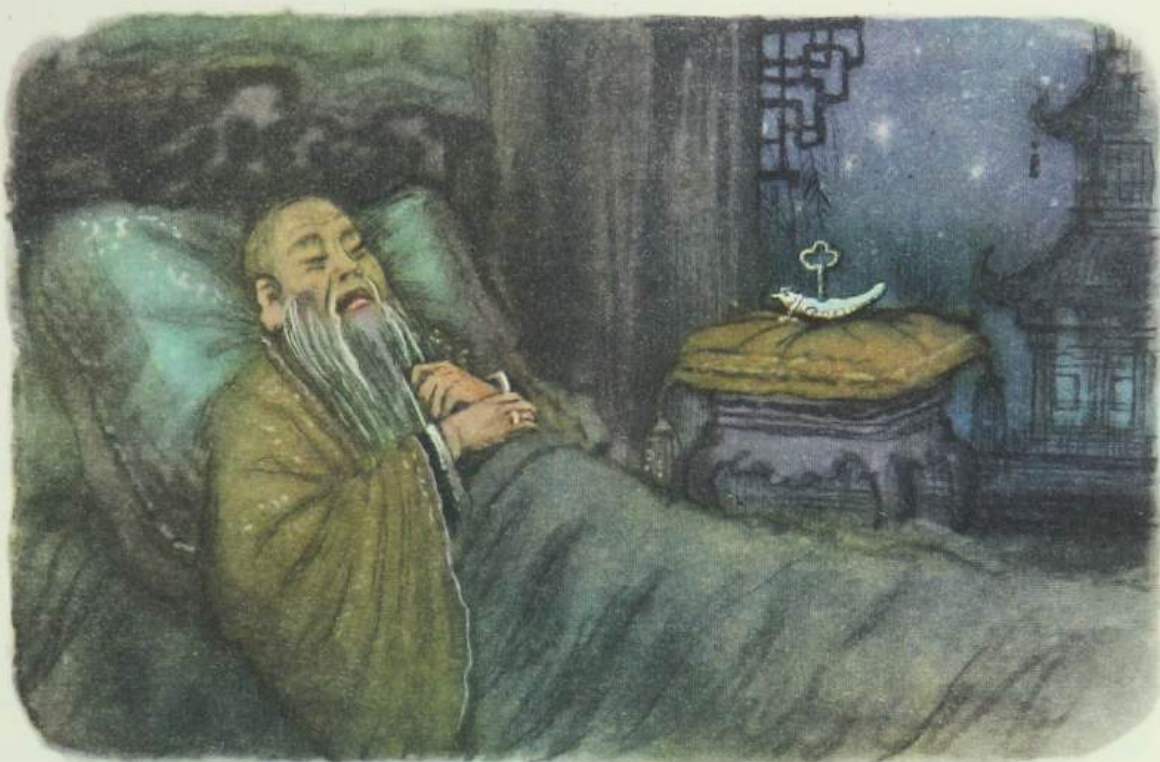
— Помнишь ли ты это? — шептала одна злая голова.

— А это помнишь?

И головы рассказывали императору так много о

его злых делах, что на лбу у него выступил холодный пот.

— Я забыл об этом, — говорил император. — А этого никогда и не знал.

И он закричал:

— Музыку сюда, музыку! Бейте в большой китайский барабан! Я не хочу слушать их речи!

Но головы всё продолжали говорить, а Смерть, как китаец, кивала при каждом их слове.

— Музыку сюда, музыку! — кричал император. — Пой хоть ты, моя славная птичка! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я повесил тебе на шею свою золотую туфлю — пой же, пой!

Но птица молчала: некому было завести её, а иначе она петь не умела. А Смерть всё смотрела на императора своими большими, пустыми глазными впадинами.

И вдруг за окном раздалось чудное пение. То был живой соловей. Он узнал, что император болен, и прилетел, чтобы утешить и ободрить его. Он пел, и призраки всё бледнели, а кровь прилиwała всё живей к сердцу императора. Сама Смерть заслушалась соловья и тихо повторяла:

— Пой, пой ещё, соловушка!

— А ты отдашь за это императору драгоценную саблю? И знамя? И корону? — спрашивал соловей.

И Смерть отдавала императору его сокровища одно за другим, а соловей продолжал петь. Вот он запел о тихом кладбище, на котором цветёт бузина, благоухают белые розы и свежая трава на могилах орошается слезами живых людей, оплакивающих своих умерших близких... Тут Смерти так захотелось вернуться на кладбище, что она закуталась в белый холодный туман и вылетела в окно.

— Спасибо тебе, милая птичка! — сказал император. — Я изгнал тебя когда-то из моего государства, а теперь ты своей песней отогнала от моей постели ужасные призраки, прогнала даже Смерть! Чем мне вознаградить тебя?

— Ты уже наградил меня раз навсегда, — сказал соловей. — Я видел слёзы в твоих глазах, когда первый раз пел перед тобой, — этого я не забуду никогда. Слёзы — самая драгоценная награда певцу.

И он запел опять, а император заснул здоровым, крепким сном.

Когда он проснулся, в окно уже светило солнце. Никто из его министров и придворных не приходил к

своему императору. Все думали, что он умер. Один соловей сидел у окна и пел.

— Останься у меня навсегда, — сказал император. — Ты будешь петь, только когда сам захочешь, а искусственную птицу я разобью вдребезги.

— Не надо! — сказал соловей. — Она служила тебе как могла. Оставь её у себя. Я не могу жить во дворце. Я буду прилетать к тебе, когда сам захочу, и буду петь тебе о счастливых и несчастных, о добре и зле, обо всём, что делается вокруг тебя и чего ты не знаешь. Маленький соловей летает повсюду, залетает и под крышу бедного рыбака и поселянина, которые живут вдали от дворца. Я буду прилетать и петь тебе. Но обещай мне...

— Всё, что хочешь! — воскликнул император и встал с постели.

Он успел уже надеть своё царское одеяние и прижимал к сердцу тяжёлую золотую саблю.

— Обещай мне не говорить никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всём. Так дело пойдёт лучше.

И соловей улетел.

Тут вошли придворные поглядеть на мёртвого императора — да так и застыли на пороге. Перед ними стоял император, живой и здоровый. И он сказал им:

— Здравствуй!

Перевод с датского А. Ганзен

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Ответственный редактор В. Гакина.
Художественный редактор П. Суворов.
Технический редактор Т. Добровольнова.
Корректор Е. Кайрукштис.

*

Подписано к печати 17/III 1953 г. Формат
62 × 94 $\frac{1}{8}$ — 1,5 бум. = 3,17 печ. л. (2,39
уч.-изд. л.). А00131. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 1384. Цена 1 р. 70 к.

*

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сушевский вал, 49.

Цена 1 р. 70 к.

